

НА РОДИНЕ В. Ф. РАЕВСКОГО

Меловые отроги. Малороссия за горизонтом.
Холмы – волны зеленые, блестящий, чистый ландшафт.
Хворостинка. Имение. В доме большом и добротном
Что ни годы – то роды и плещется жизнь в малышах.

Нам сейчас не понять, не поднять эту поросль потомства,
Вот уж старшеньких надо в Москву отдавать, в пансион,
И хоть что-то потом обернется в семье вероломством,
Но столь сильные корни – для славы надежнейший трон.

Нам сейчас не узреть, не провидеть исток декабризма
В этих славных и чистых традициях, лицах, ключах,
Где, когда, почему заблестала гражданская призма
В потрясенных недетских (таких еще детских!) очах?

Он любил Хворостянку, как любитса запечатленье
Летне-детского рая (играя, где ты подрастал),
Он любил Богословку и Орлика блеск, и движенье,
И круженье его меж холмов – тайнозримый кристалл

Его крепости духа. Владимир, Владимир Раевский,
Те Пенаты стихами воспев, всё решив изменить.
Был военная косточка, с детства судьбой офицерской
Свое сердце он смог как герой, как защитник пленить.

Ах, как хочется все изломать в планах сладостно-белых!
Черно-горький подтекст бытия, ты проступишь потом:
Раскулачиванье самых умных, усердных, умелых,
Разнарядки расстрелов в кромешном тридцать седьмом.

Моя сильная Родина, можно ли знаком мишени
Обесчестить порывы святых и наивных сердец?
Но вернемся к Раевскому. Юноша наш в сраженье,
На войне, как и братья его, как и в прошлом отец.

Эти Пети Ростовы французов назад повернули.
Грозный деспот Европы, сдается нам Наполеон,
Капитаны в семнадцать из детской шагнули под пули,
Им подвластен был полк, подчинялся любой эскадрон.

Они столько прочли про героев серьезнейших книжек!
Бредил тенью Катона Никитушка – сын – Муравьев

(Танцевать на балах не хотел). И из этих мальчишек
Книги сделали племя, когорту героев боев.

Бородинское поле. 23-я бригада. Гулевич.
Званье «прапорщик». Шпага «За храбрость», блистает она!
И берет ее в руки Раевский Владим Федосеич
За отличие в подвиге гордом – Бородина.

А еще впереди будет орден и десять сражений,
Заграничный поход, возвращение в отчий тот дом,
В Хворостянку, где Орлика отблеск и блеск отражений,
И круженье его и за тем, и за этим холмом.

Хворостянка, зеленый покой, где-то рядом ты, Орлик,
Как тебя описать, географии местной звезда?
Заколдованы словом «Раевский», как зовом в горле,
Притягаемы именем, мы приезжаем сюда.

Всю Россию сложить из усадеб великих: вот Званка,
Константинове, Болдино, Ясная, Спасское плюс
Богословка - трудами Шаталова – и Хворостинка
Пусть восполнят ту карту обителей духа и муз.

Вся Европа – музей, и музеем пусть станет Россия,
Если снять всех проклятий поверхностный, давящий жгут.
Если знать все места, где пульсируют древние силы,
Где во имя кого-то не что-то, а все берегут.

А Владимир Раевский вновь в Каменец – едет– Подольский,
Офицерский кружок будет там из мятежных друзей.
Господа офицеры! Теперь мы – «Железные кольца»
И на нас смотрит Родина – горестный наш Колизей.

Восемнадцатый год. Он под Киевом, в Линцах, тем летом
Создает по подписке сообщество «Дружеский лист».
Был потом Аккерман, Кишинев, дружба с ссыльным поэтом
(Там он Пушкина встретил, сложившийся уж декабрист).

Воплощал он идеи в военном училище штаба.
Юнкера и солдаты. Ланкастерский метод. Орлов.
Но где в лучшее путь – непременно варнаки, ухабы.
И железные кольца доносов, и каверз улов.
«О солдатах», «О рабстве крестьян» – что за бред, что за мода!
Кто Раевский? Ишь, римлянин! Ишь, гражданин!

А солдатские прописи! Учат писать *свобода*,
Конституция, равенство, Брут, Вашингтон и Франклин!

Сверхдостаточно данных для подленькой новой атаки
На чужое достоинство – дразнящий всех бастион.
(А под старость в тайге избыют и другие варнаки,
И полтела в ожогах, но выдержит, выживет он).

Был арест. Приговор. Смертной казни забрезжили тени,
Накануне и Пушкин спешил его предупредить,
А потом вместо казни тюремные сени, ступени.
Только телом спускаться, а духом, душой восходить.

В каземате шесть лет, спать на нарах и есть из жестянки,
Жить теперь предстояло в Сибири, в селе Олонки.
Тридцать восемь годов не видать дорогой Хворостянки
И ночами изведать отчаянье, петли тоски.

Не случайно Раевского с юности звали Спартанцем:
Как Суворов, себя закалял он навек, наперед.
На немецком беседовал с Эрманом - иностранцем,
Турчанинов учил его сад улучшать, огород.

Неопрятных трактиров, дорог и разбойничьих свистов,
Бесконечных разъездов по откупам – столько лет!
И созвездье блестящих друзей, дорогих декабристов,
Поседевших, но стойких, их писем пульсирует свет...

Декабристов романтика, шарм, обаянье и слава,
Им простится и то, что погашен был нимб над царем,
И как долго потом размышляла вся наша держава
Над великим таким, неудавшимся их декабрем!

А они? Воссияли, как звезды, в Сибири,
Получив за «декабрь» морозов свирепую прыть.
Продолжали себя, но не в битве с тем миром, а в мире.
Прививая все лучшее, что только можно привить.

Усыпальница рода Раевских, и светоч, и пламень.
На их деньги построена, церковь дарила свой свет.
Сохранился как чудо тот краугольный камень,
Только среди всех надгробий Раевского не было, нет.

Похоронен он в том же селе, где вершил свою ссылку.
Где была его школа, где он создавал все, что мог,

Паутина семейных обид, и борьба за присылку
Хоть каких-нибудь средств, и тяжелые сны про острог,

Но и девять детей, и жена, и почет близживущих...
И какая же сила была в той дворянской крови
Словно Феникс восстать из всех бед, очевидных и сущих,
И продолжить свой путь, и венчать его светом любви!

Они бросили вызов отеческому мирозданию,
И попав обреченно в объятия сибирской зимы,
Проиграв свой декабрь, повернули на путь созиданья,
Все успели. А мы? Успеваем, успеем ли мы?

Меловые отроги, овраги, поля, перелески.
Украина вдали. Белгородский «швейцарский*» простор.
Хворостянка-село. Здесь гнездо родовое Раевских,
Узел памяти, повод начать разговор.

Харченко В. К. На родине В. Ф. Раевского : поэма / В. К. Харченко
// Белогорье : краевед. альманах / Упр. кул. адм. Белгор. обл., Научно-
исслед. ин-т краеведения, Белгор. гос. ун-т.– Белгород, 2001. – С. 136–139.